

КРОК

ИЛ

№ 9

ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ
●
МАРТ 1932 г.
●
МОСКВА

Ни одной пяди чужой
земли не хотим, но и сво-
ей земли, ни одного вершка
своей земли не отдадим
(И. Сталин)

М. Храповский

— Молодец, товарищ Сурков! С каждым днем у тебя все больше попаданий.
— Это потому, товарищ командир, что я каждый день читаю газеты.

НЕЗАВИСИМАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Фельетон Б. Самсонова

Рисунок М. Храпковского

В НАЧАЛЕ было весело.

Пу И, правителя независимой Манчжурии, привезли с супругой японские генералы в экстренном поезде.

Перед высадкой в Чаньчуне дежуривший генерал сказал:

— Вы не забывайте самого существенного. Как вас зовут-то?

— Пу И.

— Пу И? Ну, ладно, ничего, сойдет. Так вот, господин Пу И, помните главное. Вы сейчас станете независимым правителем независимого Манчжурского государства, — сокращенно Манчжоу-Го.

— Не говори Го, пока не перепрыгнешь, — глубокомысленно пошутил Пу И.

До генерала шутка не дошла.

— Насчет перепрыгнуть, — мы берем на себя, — строго сказал он, — а ваша обязанность — быть независимым. А то — понимаете?

— Понимайте, ваше превосходительство! Как не понять. Вы наши отцы, мы ваши дети.

— То-то!

На вокзале в Чаньчуне весело трепыхались японские флаги. Играл оркестр. На платформе был выстроен почетный караул из японских жандармов.

Пу И выглянул в окно и заорал:

— Караул!

— Что вы орете? Это же почетный.

— Прошу прощения, ваше превосходительство. Обмишулился от избытка независимости.

При выходе из вагона Пу И заметил среди жандармов знакомого китайского генерала Ма.

— Ба! Генерал Ма! — обрадовался Пу И. — А это кто?

— Это тоже генерал: Си Ся.

Генерал щелкнул шпорами.

Супруга Пу И покраснела.

Сели в автомобиль и под конвоем поехали в город.

— Может, ваше превосходительство, без конвоя было бы приличнее? — спросил независимый Пу И.

— Без конвоя еще неприличнее. С конвоем почетнее. И главное башку не оторвут.

— А разве могут оторвать?

— Очень просто. Народ полезет на радостях целоваться, и в сутолоке оторвут... на память.

— Ты бы, Пуиша, спрятался под зонтик, — посоветовала супруга. — Долго ли до греха?

— Не беспокойся. Видишь, как народ разбегается при нашем появлении?

Перед дворцом была сооружена бамбуковая арка, украшенная японскими флагами.

— А где же независимые флаги Манчжоу-Го?

— Есть и Манчжоу-Го. Их не видать под японскими. Да японские и красивее: восходящее солнце — это вам не фунт риса.

Во дворце, как в приличных домах, был накрыт завтрак. Генералы пили го-сотери за независимость Манчжоу-Го.

Пу И с дороги съел целую собаку. Си Ся по этому случаю не преминул сострить. Смеялись так много, что Пу И встал и поднял руку:

— Дозвольте выйти.

Японские генералы посовещались и согласились срочно запросить Токио.

Наступил вечер. Пу И собрался спать.

— Откуда эти пьяные вопли?

Он открыл ставни. На заднем дворе белогвардейцы нестройно пели: „Боже, Пу И храпит!“

Правителя замутило.

Жена посмотрела на него и вздохнула.

— И вообще мы, Пуиша, кажется, влипли. Ты по крайней мере говорил о жалованье?

— Не добился толку. „Служки, — говорят. — Не обидим. Харч наш, чай и сахар тоже хозяйские. Старайся“.

— Ну, а ты?

— Я — что же? Сказал: „Будьте покойны: готов в лепешку расшибиться и лопнуть“.

— Не лопнуть бы только, как Чжан Цзо-лин от японской бомбы.

— Вещь немудреная.

— А все-таки попроси лучше за месяц вперед. Помнишь, такого же независимого правителя принца Вида в Албании?

— Ну, как же! Ему пришлось бежать в 1914 году из Дураццо от албанцев без выходного пособия.

— То-то и оно! Такая же дурацкая история может случиться и здесь.

Хорошо начатый день закончился в мрачных разговорах о превратности судьбы независимых монархов.

Пу И перед отходом ко сну проверил замки у чемоданов.

— Положи на столик душистого вазелина, может, ночью придется смазывать пятки.

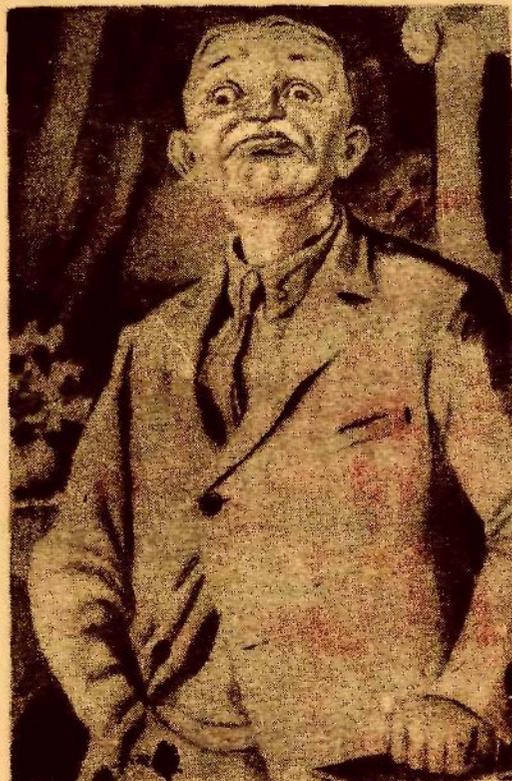
Пу И положил два тюбика и скорбно вздохнул.

— Охо-хо! Тяжелый хлеб — служба!

За дверьми спальни независимого правителя мерно шагал японский часовой. Вдали выли собаки, предназначенные для стола, и белогвардейцы, исполнявшие гимн.

Б. Самсонов.

А. Ганц

НЕОБЫЧАЙНО МЯГКОСЕРДЕЧЕН, ЛЮБИТ БЛИЖНИХ И ПРИМИРЯЕТСЯ С ВРАГАМИ.

(См. рисунок справа)

КЛАССОВО НЕПРИМИРИМ, ВЫДЕРЖАН НА СТО ПРОЦЕНТОВ.

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: Не думайте, что перепутаны подписи. Эта путаница существует и в мировоззрении и в практике работы оппортунистов, примиренцев и гнилых либералов.

ПАПА (Христу): — Пишите... „В ответ на ваше обращение небесная канцелярия сим ставит вас в известность... запятая... что души пострадавших китайцев будут пропущены в рай беспрепятственно... точка“

ДЕНЬ КОШКОНОСОВА

А. Генис

РЫЖИЙ БУДИЛЬНИК Треста точной механики противно завершал. На сдвигающейся набок циферблате его стрелки показывали пять минут десятого. Значит, было ровно восемь часов утра.

Кошконосоев замигал сонными разбухшими веками, почесал взъерошенный белообрый затылок и проснулся.

И тут в сознании его промелькнула первая отчетливая мысль:

«Он проснулся, как всегда, бодрый, с удовольствием ощущая свое молодое здоровое тело, и прислушался к его властному зову».

Кошконосоев обычно мыслит о себе как бы со стороны и в плане тех книг, которые ему нравились.

Ванная, куда направились Кошконосоев, поставив чайник на огонь, была занята кем-то из соседей.

Кошконосоев чертыхнулся, но вдогонку ругательству послал приятно закругленную фразу:

«Жизнь создавала на каждом шагу неодолимые препятствия этому незаурядному человеку, что вызвало у него порою горькую усмешку».

Затем, выйдя на улицу походкой, отчасти каторжной, разумеется, было отмечено, что она была «пластичной и полной внутренней силы». Кошконосоев сел в трамвай и поехал на службу.

— Поздно, поздно! — заметил старший бухгалтер Иван Наркисович, когда Кошконосоев подошел к своему столу.

— Трамвай, Иван Наркисович, полчаса дождался, — вкрадчивым голосом ответил Кошконосоев. А про себя он добавил: «Грубая нечуждость людей подчас больно задевала его нежную, как мимоза, душу и заставляла горько усмехаться».

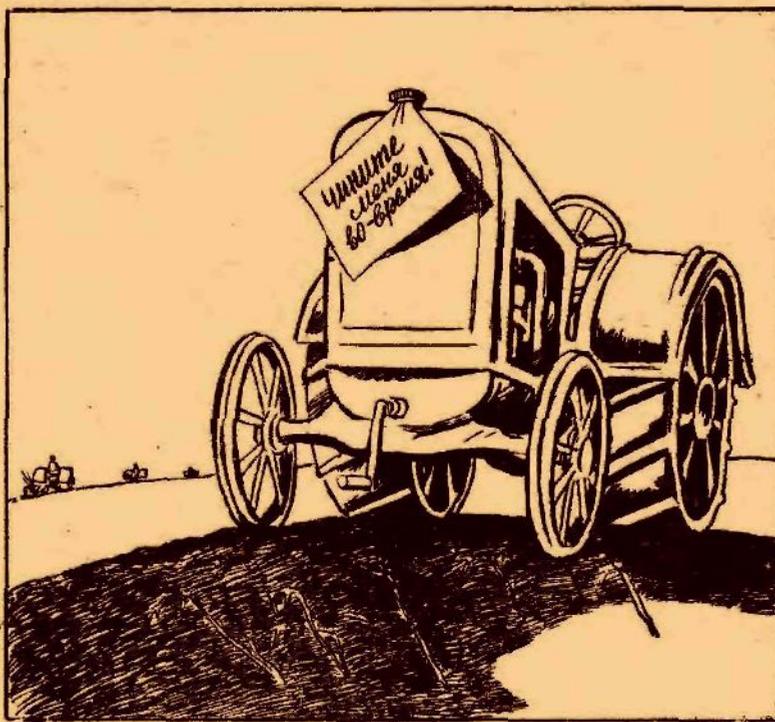
Кошконосоев раскрыл книгу и, не глядя, привычным жестом потянулся за ручкой. На стоянном месте — подле чернильницы — ручки не оказалось.

Кошконосоев обратился к соседке по столу:

— Товарищ Мамкина, вы не брали моей ручки? — Конечно, мысленно вопрос этот был дополнен таким образом: «Он безо всякой подготовки оглушил ее вопросом о краже, отлично зная, что даже самые опытные преступники проговариваются, если их допрашивать врасплох».

— Нет, не брала, — ответила Мамкина. Она огляделась и, ухватив пальцем на пол, обзвонила. — Да вот она, ваша ручка, под столом валяется.

П. Белякин

ВНЕОЧЕРЕДНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.

Кошконосоев, кряхтя и багровея, полез за ручкой.

«Он горько усмехнулся», — подумал он по привычке. — Или нет, не «горько усмехнулся», а — «добродушно рассмеялся», а еще лучше — «широко улыбнулся».

После службы Кошконосоев направился в столовую обедать. На этот раз походка была «утомленная, но изящная». Сидя в столовой в ожидании обеда, Кошконосоев размышлял о том, будет ли обед «вкусный и питательный» или «обильный и изысканный».

Коренастая официантка, поднеся на огромном блюде чуть ли не двадцать блюд сразу, сунула нашему герою две тарелки.

«Гм, — подумал Кошконосоев, — обед скорее вкусный и питательный, чем обильный и изысканный»...

Он глотнул ложку мутного супа и почувствовал, что эпитет «вкусный» решительно отпадает. Определение «питательный» тоже нашлось под большим сомнением.

И хорошо тренированный Кошконосоев скоро придумал:

«Он был выше всяких житейских мелочей», — изрек он, уничтожая мутный суп.

Обед окончен.

«Деловой и решительной» (раз предполагается «огромная работа») походкой Кошконосоев выходит на улицу. Но «огромной работы» в природе не существует, и потому шаг его делается развешенным, он покачивает бедрами, высокомерно щурится.

«Ему доставляло удовольствие, прогуливаясь, привлекать взгляды встречных женщин...» — шепчет Кошконосоев на улице.

У подъезда стоит гражданка в пальто, опущенном длинноворсном пестрым мехом, наподобие полости на санях лихача. Губы ее представляют собою бутерброд с помидором ярко-красного цвета. Кошконосоев бросает на нее взгляд знатока по женской части, и в голове его возникает стих из романа:

«Мы встретились, как искры на пожаре»...

Гражданка в свою очередь бесцеремонно оглядывает Кошконосоева небольшими, но густо подмазанными глазами.

«И она подняла на него свои огромные фиолетовые глаза»... — констатирует мозг Кошконосоева.

В это время из подъезда вышел человек в плюшевой пятицветной кепке с портфелем под мышкой. Человек берет об руку гражданку, и они удаляются.

«И разошлись, как в море корабли...» — пробегает в сознании Кошконосоева.

Кошконосоеву нужно идти в ту же сторону, что и чета. Он почти нагоняет их и слышит,

как гражданка оживленно рассказывает своему спутнику:

— Хорошо, что ты скоро вернулся. А то какой-то нахал уже начал меня рассматривать. Сам — плогавый, в пейсне, а тоже — лезет.

«Горько усмехнулся», — пронесется в голове Кошконосоева раньше, чем он окончательно осознает, что произошло. А осознав, Кошконосоев идет в обратную сторону.

«Люди редко понимали его. Он был на целую голову выше современников»...

«Особенно — женщины. эти ограниченные, пошлые создания... Мысль о будущих поколениях поддерживала его в том одиночестве, которое... которое... которое»...

Не в силах сразу придумать, что должно идти за словом «которое», Кошконосоев подходит к ларьку, чтобы приобрести пачку папирос «Бокс».

— Дайте мне... — начинает он, но стоящий уже около ларька гражданин в изукрашенной кожей шляпе перебивает.

— Извиняюсь, я раньше вас подошел.

— Мало ли, кто раньше, — отвечает Кошконосоев. И разумеется — в голове: «На удары врагов он всегда отвечал меткими ударами».

— А то значит, что вы обожаете, — не унимается гражданин. — Я сюда подошел, когда вас еще давным-давно не было.

Гражданин боком оттирает Кошконосоева от ларька. Кошконосоев начал было: «Он был всегда выше всяких житейских мелочей. Ничтожные люди, с которыми приходится встречаться на каждом шагу»... — как вдруг слышит, что гражданин в шляпе в свою очередь бормочет:

— «Мощный удар по черепу оглушил недодая. «Пачку «Бокс», — вскричал Джек, бросая на оцинкованный прилавок три пенса»...

Кошконосоев внезапно понимает, что он встретил себе подобного: гражданин в шляпе так же мыслит о своей особе в литературных категориях...

Поздно вечером, отходя ко сну, Кошконосоев с удовольствием вытягивает под одеялом ноги. Последняя его мысль об уходящем дне и собственной усталости звучит в плане литературы почему-то крестьянской:

«Ой, гудят мои ноженьки, — думает он, — ухидились ноженьки, умахались рученьки»...

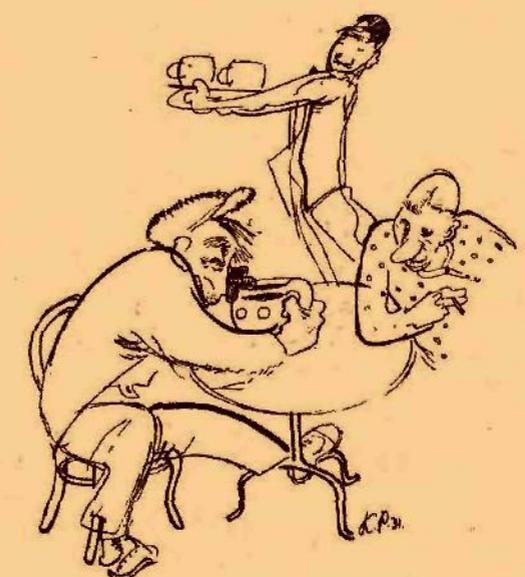
Кошконосоев снимает пейсне, рот его порыбы открывается, и во сне он не обнаруживает ни одной приметы, по которой можно было бы сказать, сколько велико влияние на его жизнь плохой литературы.

Да только ли на его жизнь?

В. Ардов.

К. Ротко

Старые рабочие часто не помогают новичкам.

— Говорят, что я не помогаю новичкам. А без моей помощи ты бы выпил восемь кружек пива?

НЕТ У МЕНЯ, товарищи, слога,
Я, персонально, оратор неважный,

Фу, ты чорт! — До чего вас много...
Со страху язык не сгибается ажно.
Ну, да ведь вы не чужие все-таки, —
Вы на меня не посмотрите искоса;
Ведь я не могу наподобие трещотки,
Мне надо, товарищи, искренно высказать

Действительно, верно, прогуливал часто,
Так это, товарищи, было, а нынче...
Нынче довольной! Нынче баста!
Нынче все, товарищи, иначе.
А впрочем... я расскажу по порядку.

День был осенний, но пыльный и парящий.
Товарищ мой набрался порядком.
И я, персонально, не отстал от товарища,
К семи часам вечерняя смена, —
Нам бы часок проспаться — и в цех,
А тут незнакомка одна, как на грех,
В Парк культуры зовет непременно.
Как раз на троих у нее контрамарка,
Вежливо просит, отказаться неловко.
Приехали. Входим. Гуляем по парку.
В кармане недопитая сороковка.
Вижу светится спиральная башня.
Вскарабкался наверх. На башне — барышня.
Характер у барышни решительный очень,
Только я влез, а она, между прочим,
На коврик меня посадила и ножкой
В зад, персонально, подпихнула немножко.
А я, товарищи, чуть не кричу,
Лечу и верчусь, верчусь и лечу.
Встал. Стою. И фуражку комкаю.
Товарищ куда-то исчез с незнакомкою.
Вокруг меня веселые лица,
Парочки ходят, глазами ворочают.
Так сказать, отдыхает столица,
Культурно проводит часы нерабочие.

Люди хохочут, а мне не хочется,
Даже противен веселый гул.
То ли я пьян? То ли выпить хочется?
То ли совесть грызет за прогул?
У людей, так сказать, узаконенный роздых,
Вот и шагают туда и сюда,
Вдыхают в себя замечательный воздух,
Вдыхают согласно Кодексу труда.

Чисто одетенький, в кепке мохнатенькой,
Парень подружку под ручку ведет.
„Что ж вы стесняетесь, кушайте, Наденька!“
И Наденьке сладенькое сует.
Прошли и смешались с толпою оба
А у меня, персонально, злоба.
Прямо хоть выть начинай по-волчьи:
„Ишь-ты гуляют, догуляетесь, сволочи!“
На скамейке стриженная дама
Кормит вафлями и чонку желтоглазого.
Подхожу и говорю ей прямо:
„Язва!
Ишь, надела шляпку. Думаешь, красивая?
Корова сивая!“
И дальше пошел. Показалось сначала,
Будто от дамы мне полегчало.
Но не надолго. Опять навалилось.
Хоть самого себя удуши.
Ну что ж такое... Ну, скажите на милость...
Ну словно.. зубы болят у души.

И так забрался я в самый зад,
В этот.. как его... Нескучный сад.
Взял бутылочку. Пробочку выбил..
И, персонально, выпил.
Выпил, зевнул и заснул под кустом.

В. Ковалевский

— Ну, кажется, работа по снегозадержанию закончена...

Проснулся утром. Часу в шестом.
Роса, разумеется. Сыро, прохладно.
Птички чирикают. Солнышко. Ладно...
Подымаюсь. Одежда от сырости влажная,
И вообще настроение неважное.
Иду это я и себя жалею,
И новые брюки свои полосаты
И выхожу, наконец, на аллею,
А вдоль аллеи скульптурные статуи.

Я, персонально, с карандашом подхожу
Думал для смеха написать неприличность.
Букву одну вывожу.. и гляжу...
Чтой-то у статуи знакомая личность.
Федор Семенович... он, разумеется!..
И даже фамилия снизу имеется.
Слесарь-ударник из нашего цеха.
Вот тебе и неприличность для смеха!

Возьмем, к примеру, Пожарского-Минина.
Положено быть монументом по штату им.
А тут другое... Тут вот именно
Живого слесаря вывели в статуе!
Но зря-то не будут портить гранит.
Зря-то не истратят народные рублики.
Значит, он потому стоит,
Что, персонально, заслужил у республики.
И верно. Семенович работник на-ять,
Так сказать, себя не жалеет,
Но, значит, и я бы мог стоять
Рядом с ним на ударной аллее.
И вот возбудились во мне тогда
Очень красивые мысли и чувства.
Что будто бы я, ударник труда,
Стою на аллее произведений искусства.
Ну, словом, в мечтаньях парю и летаю,
Стою и мечтаю, мечтаю и таю..

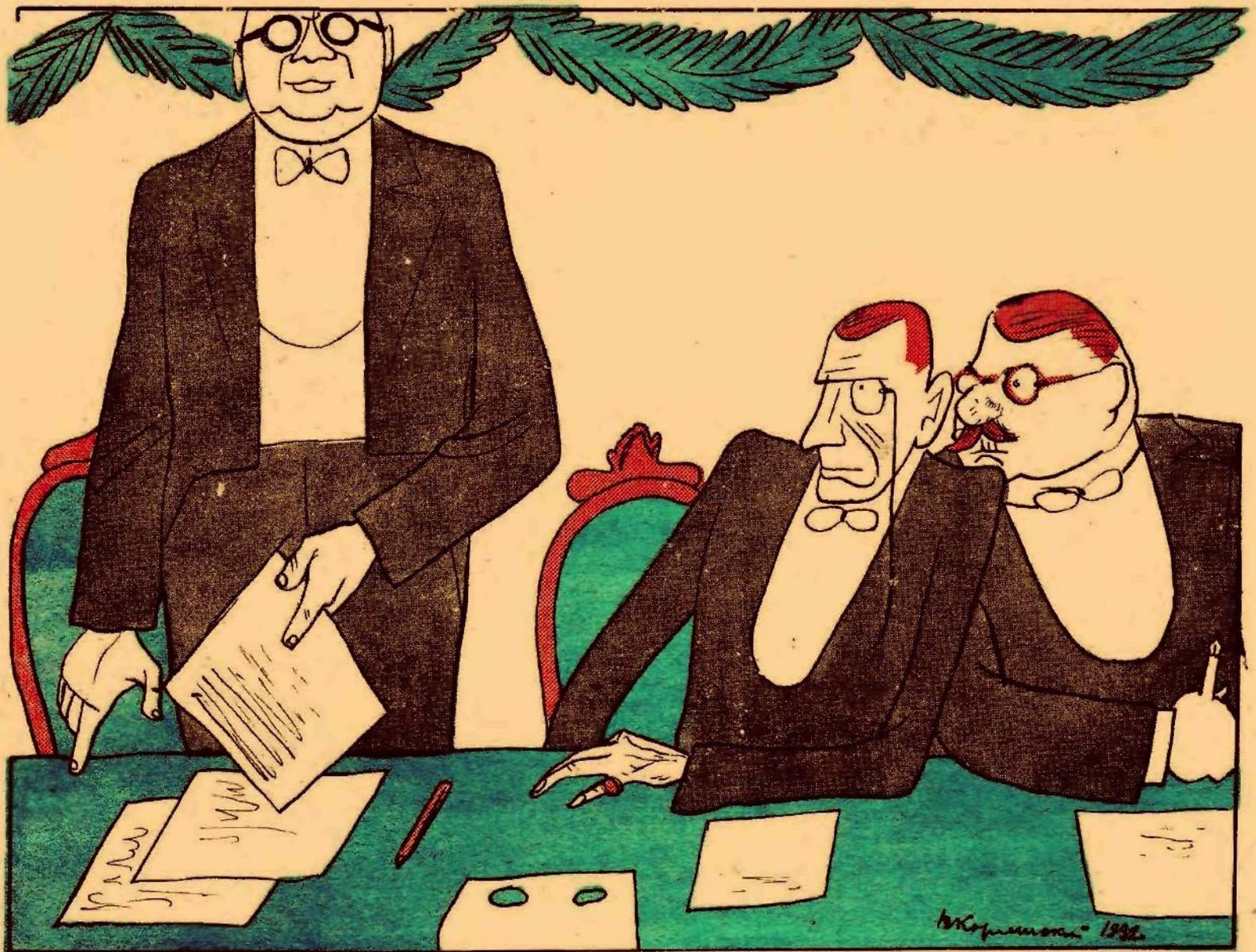
У самого шевелюра лохматая,
Морда, как пыльная тряпка, помятая,
Во рту, извиняюсь, и тухло, и жохло,
И на костюме чевой-то присохло,
Словом, скажу, описание заманчивая.
В общем и целом — наружность обманчивая.
И сделалось мне, персонально, ясно,
Что я, так сказать, гражданин напрасный.
Так сказать, бесполезный для современного
времени

И являюсь республике в качестве бремени.
И что в глазах рабочего класса,
Который героически сбросил ярмо,
Я, персонально, отсталая масса
И, так сказать... дерьмо.

И вот, товарищи, с этого дня,
Все по-иному пошло у меня.
Между прочим, пришел в сознание,
Безусловно на правильной точке стою,
Выполняю и перевыполняю задания,
Так сказать, от товарищей не отстаю.
Значок ударника в петличке алеет,
И может.. конечно!. Отчего бы и нет!.
Когда-нибудь вы на ударной аллее
Увидите мой персональный портрет.

Мих. Вольный.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!
ЩЛИТЕ МАТЕРИАЛ
НА КРОКОДИЛИЙ СМОТР
КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ

— Странная вещь... Язык дан дипломату, чтобы скрывать свои мысли, а Литвинов вместо этого вскрывает наши мысли.

ИСКАТЕЛИ ЖЕМЧУГА

РАДОСТЬ свалилась неожиданно, как гром в ясную погоду.

Утром бакинцы ходили хмурые и злые, жаловались на холод и очереди, проклинали трамвай и Главтоп. А днем, когда снег забыл стыд и совесть, стал падать крупными хлопьями, ртуть в градусниках, словно на салазках, спустилась ниже нуля, и на улицах появились первые снежные сугробы, — в зеркальных окнах Азторга засверкала, переливаясь всеми цветами радуги, дамские зонтики и искусственный жемчуг.

Люди сначала не поверили. Возможно ли? Не ослепление ли это? Не массовый ли гипноз?

Но завмаги ходили именинниками, высоко подняв свои головы, и продавцы смотрели на покупателей с таким видом, точно они, а не кто-нибудь другой, спасли человечество от гибели в тот самый момент, когда гибель была уже неизбежна.

Сомнений быть не могло. Радость пришла, яркая и цветистая, как оперение пугая. Ее можно было щупать руками, прижимать к сердцу, бросая зывов нехатаи пришедшей вьюге, и брать с собой домой. Только заплатить деньги. Больше ничего.

Человек подобен взборчивой невесте. Счастье можно сказать, тут, возле него, само в руки дается, а он не понимает и отворачивается. Спорить против этого так же неразумно, как топить печку снегом.

Я заметил себе продавца с широкой, гостеприимной всепрощающей улыбкой на лице и подошел к прилавку, стараясь быть приветливым.

— Будьте любезны, товарищ...

— Зонтик или жемчуг? — прервал он меня.

Мне стало немного неловко. Я опустил глаза и сказал шопотом:

— Мне, собственно, зубную щетку надо.

Продавец молча куда-то удалился, молча вернулся назад и раскрыл передо мною коробку... с искусственным жемчугом.

— Прошу обратить внимание, — начал он декламировать привычным голосом, — жемчуг почти ничем не отличается от настоящего. Блестит, сверкает, не чернеет. Могу гарантировать...

— Извините, товарищ, — перебил я его, — мне нужна зубная щетка.

— Ну, слышал! — резко сказал он. — А ежели у нас щетка с жемчугом идет? Ежели мы так купили? Поняли?

— Нет, — сообразил я. — Ничего не понял. Расскажите толком.

— Некогда мне вам рассказывать! — отрубил он и отошел в сторону.

Рассказал мне другой. Я уже уходил из магазина, когда меня остановил молодой парень с красивым от холода щеками и расстегнутым воротом. Он отвел меня в сторону, оглянувшись, приняв позу делового человека, рассказал:

— Я тоже в Азторге работаю и могу вам сообщить. Понимаете, наш представитель закупил партию зубных щеток и в придачу к ним взял партию жемчуга. Кроме того, мы получили 3.000 дамских зонтиков. Надо торговать...

— Постойте. Зачем надо было покупать зонтики и жемчуг, когда на эти деньги можно было купить, скажем, курдючное сало, макароны, томат, консервы, туалетное мыло — да мало ли таких предметов?

— Было все это у нас! — с отчаянием сказал парень. — Было это!

— Как это — было? А теперь?

Он еще раз оглянулся и для большей безопасности перевел меня в другой угол.

— Слушайте! В ноябре мы получили из Нахичевани 12.000 кило курдючного сала. Пролетало оно месяц у нас на складе, а потом ответственный исполнитель Богуславский распорядился отправить его в Нахичевань. Зачем? Неизвестно! Были у нас на складе макароны, но их так долго перекладывали с места на место, что они превратились в муку. Было 12 бочек томата, но его так долго держали на складе, что он испортился. Придется его выбросить. Был бурак, но он сгнил. Его тоже придется выбросить. А мыло лежит на складе. 70.000 кусков. И проволока лежит на складе...

— Какая проволока? Откуда она к вам попала?

— Не знаю! На рынке проволоки нет, а у нас на складе 7 тонн валяется без всякого дела. Теперь все понятно вам?

— Нет, не все. Еще один вопрос. Почему об этом ничего не знают те, для которых это составляет некоторый интерес?

— Теперь уже известно, — улыбнулся парень. — На складе бригада сидит...

Пал снег. Было холодно. И люди, пренебрегая радостью, предложенной им Азторгом, куда-то суетливо спешили.

Только уборщица работала.

Она старательно вытирала окна магазина, чтобы жемчуг и зонтики ярче бросались в глаза.

Ал. Яковлев.

Баку.

„КВАКВАРИУМ“

ВОТ ИМЕННО: не аквариум, а «ква-ква-риум». Это новинка для наших «юнатов», и открыли ее в Одессе.

Гнилое, топкое оппортунистическое болотце, и квакают в нем отвратительные обывательские лягушки.

В аквариумах в уголках юнатов лягушки имеют номера и редко — клочки.

В «кваквариуме» они имеют: собственные имена, отчества, фамилии и даже анкеты:

— Тавлик... Клецман... Валуйко... Ситков... Лопак...
— Ква-ква!

1
Место действия — Одесса. Место преступления — Одесспайторг. Действующие лица — вышеуказанные лягушки из одного гнилого болотца. Стиль — эпистолярный. Документы и свидетели — письма — корявые строчки на замызганных, нечистых обрывках бумаги.

Слово дается обитателям кваквариума:
— Ква-ква!

2
Налетом на магазины Одесспайторга бригада РКК обнаружила 200 «дружеских записок». Вот азбука — язык и дело квакушек-кумушек:

А — «Товарищ Лурье! Отпусти подателю на платье креп-де-шини».

Б — «Лурье! Дашь пару обуви и два платья по 14 лет».

В — «Товарищ! Надо изделать этому парю пару ботинок и пару брюк на высокого роста».

Иногда люди понимали друг друга положительно с полуслова:

Г — «Тов. Лурье! Чайник...»

Д — «Парень! Вызови меня по номеру 22-51. Ситков».

И на обороте отметочка:

«Отпущено по телефону (!) два костюма».

По телефону! По звонку! Ишь ты, какое электрифицированное болотце...

3
Есть записки, захватывающие своєю глубиной и лаконичностью:

Е — «Магазин № 6. Бр!..»

Ж — «Маг. № 15. Тр!..»

Расшифровывается:

БРюки... ТРусы...

Другие, наоборот, волнуют необычайным размахом, широтой натур, — как говорят на Украине «щирістю».

И — «25-й! Отпусти 15 пар трико, 20 пар трусов и 10 одеял».

К — «6-й! Подателю — 4 ковра и 130 ковровых дорожки».

Л — «27-й! Дай 30 дамских платьев».

Подписывали лягушки, получали «о-отные черти», — «кто в Сга верил». Получали «щиро».

И неизвестно: за что?.. Почему?..

Нечистая рука завоов и помзавов, вредительская рука бывших торговшей, лиценцев, проходимцев почти целый год разбазаривала госорганизацію.

Вагонами уплывали дефицитные товары на сторону, а в магазинах ударников и в ЗРК полки жутко пустовали:

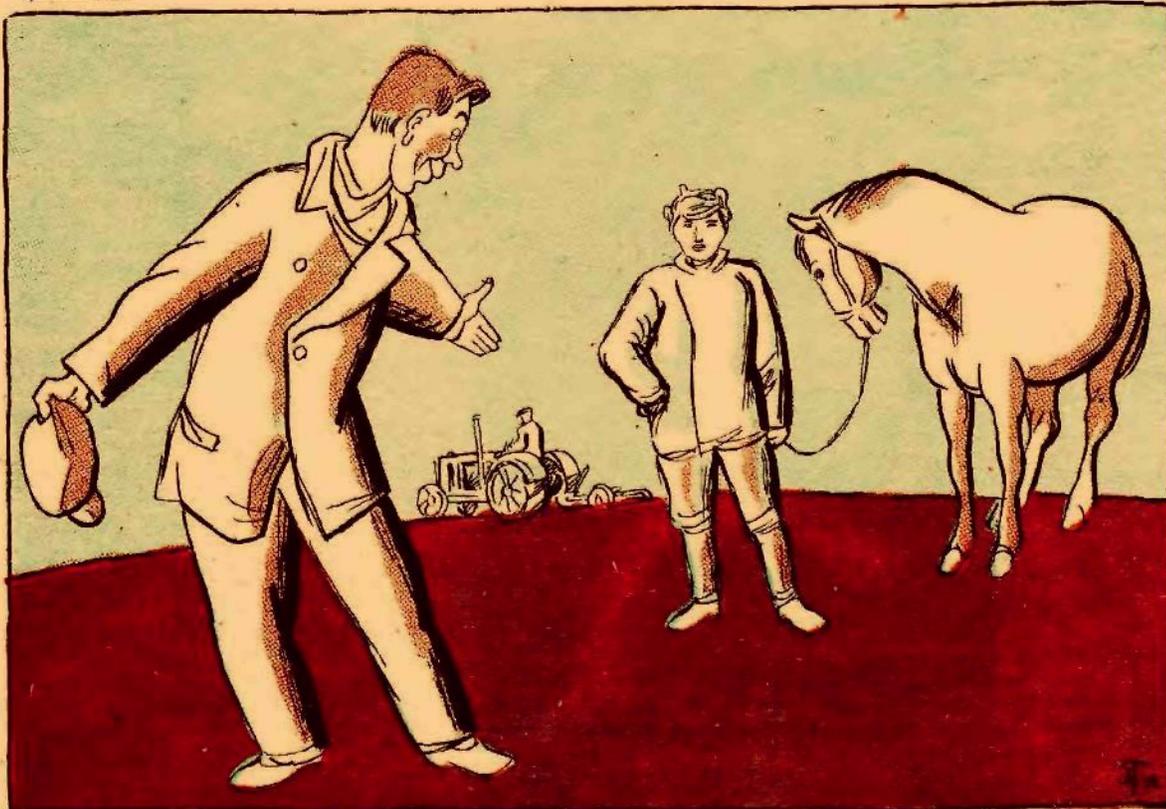
— Ква-ква!

4
Болотце высохло. Штормовые ветры РКК и прокуратуры высушили и эту лужицу.

Выбросились квакушки на бережок. Выпучили зеленые глаза:

— Ква-ква... ква... И за что это нас растревожил? За что? Почему?
Ал. Светлов.

Л. Генч

ОПОРТУНИСТ (лошади): — „Прощай, мой толариц, мой верный слуга, расстаться настало нам время“...

КОЛХОЗНИК: — Поэтов-то ты знаешь хорошо, а зато партийных директив ты, видеть, не читаешь.

„НЕБОЛЬШАЯ“ РАЗНИЦА

В г. Миллерове (Сев. Кавказ) горсовет закрыл красный уголок рабочих Промкредитсоюза и вместо него открыл пивную.

А. Топиков

ГОРСОВЕТЧИК: — Не понимаю, чего вы волнуетесь? Прежде здесь были кружки, а теперь кружки. Разница только в удачении!

„СИГОЛОЧКИ“

НА ПАЛЬТО мне дали ордер.
В магазин затопал я,
Ничего пальтишко вроде,
И подкладка теплая.

Прилегло онк к костюму,
И ещолне сознательно
Погисил я, значит, сумму
В книжке сберегательной.

Может, в глаз пустили пыли...
Впрочем, шутки в сторону, —
Вышел — пуговицы были,
А пришел — оторваны.

Дома глядь — пола худая,
Я — иголку, штопаю.
А жена меня ругает
И ногами топает.

Будто я виновен в том,
Хоть назад неси его, —
Рукава стального цвета,
Полы — темносиние.

Стал я грустен, даже очень,
Пострадал деньжишками...
... До сих пор у нас охочи
Шить кафтаны — тришкины!
Сем. Снороделов.

КНИГА С ХВОСТОМ

Замглави ом Сопясахара № 1 (Москва) предложил гражданину, потребовавшему жалобную книгу, встать за ней в хвосте живой очереди, выстроившейся за сахаром.

Сказал гражданин, ототупая,
„Не надо! Мне ждать надоело:
Здесь очередь, точно живая,
Да жалоба — мертвое дело!“

К. Ротов

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЗАСЕДАНИЕ

Ах, как заседает
президиум плавовой
комиссии Воронеж-
ского горсовета Кра-
сота!

В своем историческом
заседании 27 февраля
1932 г. он собирался рас-
смотреть ни много ни мало,
как 6 промфинпланов круп-
нейших воронежских пред-
приятий, внедрять месячный
труд в производство, подгото-
вить весеннюю посевную, углу-
биться в недра и перспективы толь-
янского бассейна, прилечь средства
на жилищное строительство, принять
целый кирпичный завод и т. д. и т. п.

18 докладчиков двинулись на штурм
18 пунктов повестки дня, потрясая об'е-
мистыми папками материалов.

15 содокладчиков должны были поддер-
живать силы уставших бойцов.

Мы не знаем, чем все это кончилось. Мы
ждем жутких вестей, что тов. Аристов, принуж-
денный 4 раза выступить содокладчиком, во-
образил себя петухом, закукаревал и принялся
клевать тов. Потехина, который после такого же
количества содокладов раз навсегда погиб для засе-
дательского спорта.

И мы интересуемся вопросом: хватит ли психиатров
в Воронеже для того, чтоб ликвидировать последствия
этого заседательского циклаона?

КОНСЕРВНАЯ МАГИЯ

ВЫ, КОНЕЧНО, знаете о «чудесах XX века»,
которые демонстрируют (только три дня!!!)
перед уважаемой публикой знаменитые пре-
стижаторы и факиры.

Вы, конечно, видели, как потертая кепка зрителя
в ловких руках Али-Бани-Бей (настоящего!!!) на
ваших же глазах превращается в пеструю куртку,
а небольшой безобидный стул — в неплохой зон-
тик, из которого дождем сыплются розы и выле-
тают голуби.

Вы смотрели на все эти чудеса и, возможно,
остро завидовали: вот бы и мне так! А на самом
деле демонстрировать такие фокусы очень легко.
И действительно: каждый, даже неграмотный чело-
век без особых затрат и приспособлений может
эпатировать чудо, которому позавидует сам Али-Ба-
ни-Бей. Главное, здесь не нужна ни черная магия
ни даже пресловутая ловкость рук. Все делается
само собою, а вам остается только произносить
магические слова да кивать на бурные апло-
дисменты публики.

Фокус первый. Вы берете коробку консервов
«бычки» и показываете ее публике. Потом быстро
открываете коробку. О чудо! — «бычки» превра-
тились в сырые баклажаны.

Фокус второй. Вы снова берете «бычки», даете
их кому-нибудь из публики, а сами подходите на
десять шагов и стреляете из пистолета. «А теперь», —
говорите вы держащему коробку, — «прошу позво-
ловать рыбка», — тот открывает коробку и... все
видят, что там вместо «бычков» — гороховая каша.

Фокус третий. На этот раз волшебными «быч-
ков» вам с успехом может заменить «скумбрия в
томате». Два-три заклинания, — и скучная рыбка
полностью исчезает, а на ее место появляется не-
плохая оберточная бумага.

Фокус четвертый. Таким же образом можно
«старшину» превратить в «торичеллеву пустоту» и

БЕЗ ПЛОЩАДИ

У СЛЕСАРЯ Колькова проживает
родитель жены Евграф Василь-
ич. Человек он прежнего зака-
ла, но старше хорля и от него пома-
леньку отлетают. Например, — церк-
ви не посещает; насчет бога сомне-
ваться начал, хотя еще не решается
удалить со стены большую, тяжелую
икону Спаса нерукотворного в сереб-
ряном окладе.

Сам Кольков — слесарь, давний
безбожник и не очень дружелюбно по-
глядывает на Спаса нерукотворного,
но молчит, чтоб не обидеть тестя.

Там и прожили совместно они года
четыре в полном согласии. Спас неру-
котворный все это время спокойно
висел на трех здоровенных гвоздях в
стене. На пятый год Кольков получил
через свой завод новую квартиру.

Прежняя была маловата и не очень
удобна для семейного человека: три
штета поперек, четыре — в длину. Днем
туда-сюда, квартирка терпимая. Ре-
бятишки на улице, Кольков на
заводе, тесть тоже при деле —
в парикмахерском заведении,
у вешалки. Супруга Коль-
кова, значит, — полный про-
стор.

Но когда собирались все
в одну кучу, было
трудненько. Осо-
бенно ночью.

Супруга с четы-
рехлетним Фе-
дюшкой — на

кровати. Семилетний Васютка на
столе сидит, девятилетняя Дашу-
ка — под столом. А Кольков на по-
лу, — голова у двери, ноги упираются
в диванчик, на котором Евграф Ва-
сильевич спал в три погибели, не уме-
щаясь во весь рост на своем очень ко-
ротком ложе, — и было просторно
только одному... Спасу нерукотвор-
ному.

Переехали на новую квартиру. Пло-
щадки в ней двадцать семь метров. В
одной стене окно, аптека, школа,
продмаг — перед ним. В другой стене
тоже окно, — вся улица с трамваями
видна. На кухне газовая плита. За
кухней — ванна с газовым отоплением.

Всех больше радуется тесть Ев-
граф Васильич.

— Мать честная, — говорит. —
Во сне такого жилья не снилось.

Стоит посреди комнаты со Спасом
нерукотворным в руках, глядят на сте-
ны, соображает вслух:

— А ведь некуда! Жаль такие сте-
ны безобразить гвоздями.

Подумал, подумал, поставил Спаса
на пол и, передними руками растопырив,
сказал:

— Извини, батюшка, ничего не по-
делаешь. Площадки для тебя не от-
пущено!

Ив. М-а.

СЕБЕ НА УМЕ

Башлесосекция срочно запросила Уфимский
лесорабкооп о потребности на 1-й квартал
32 г. в дегте и колесной мази.

Лесорабкооп вполне резонно ответил,
что сак. у них особой конструкции —
без колес.

Башлесосекция вторично запро-
сила о том же.

Настойчивость Башлесосек-
ции можно объяснить лишь
отсутствием у ней и
дегтя и колесной
мази.

КРЕСТОВЫЙ ПОДХОД

Текст и рисунок А. Стоврацкого

БЕИТЕ ДРОБЬ, профбарбарами!
Ярче радость на лице! Для спа-
сения промфинплана найден пра-
вильный рецепт.

Разлетайся, весть, по свету, — не-
обычно способ нов: на заводах боль-
ше нету срывщиков и летунов!

Убеждайтесь, что не враги, что на-
писано не зря: повежайте прямо в
Саки, в Крым, скорее говори...

Саки.. Крым — души отрада, вос-
певаемый стихом...

Церковь. Ветхая ограда. А за ней
могильный холм. И на горестной мо-
гиле, чтоб прогуляшки не воскрес,
фабзавкомпы водрузили янжеприве-
денный крест:

Свежесть нового подхода! Профра-
бота тешит взор! Только вот оди-
нелюбо: в трех верстах от Химза-
вода на кресте висит позор, а завод-
ники в тревоге, плачут, аякнувши:
вирсак: летунам не по дороге в Цер-
ковь втих самых Сак...

Иногда, идя молиться, парада-
хланкуш-старух с изумлением на ли-
цах постоят, помянут вслух:

— Упокойни что-то страшный...
И покрестят лоб рукой:
— Боже, душу промфинплана с
святыми упокой...

Убедительный профметод! Кто д-
селе не знаком, напишите адрес это:
Саки. Химзавод. Завком.

В апреле открывается выставка
„АРХИТЕКТУРА НА СЛУЖБЕ СОЦ-СТРОИТЕЛЬСТВА“,
организуемая гос. Третьяковской галлерей совме-
стно с редакцией „Искусства“ в связи с X-летием
журнала.

— А? Что? Как?
Говорите же громче!
Мы ничего не слы-
шим!..

Едут... не едут...

Рисунки
Л. Генча

УРАЛО-СИБИРСКОЕ
ИЗДАНИЕ

О ВЕРТОПРАХАХ

ПРИЕЗЖАЕТ на строительство,
Разрешивший в дух и враз,
(Лет под тридцать приближительно)
Очень юркий вертопрах.

Приезжает. Озирается.
И, с тоской пополам,
С видом рыса или зайца
Рысью рыщет по цехам.

Забирается в столовую,
Ест обед на четверых,
А потом мычит коровою
По баракам тухлой стих.

А к утру — столотворение
В «одерманной» голове,
А к утру — стихотворение
Из технических словес.

С дождю он свершает танство,
Чугуну он — друг и брат,
Он с машинками братается,
Халтурягою обит...

А в дневники заносит вечером:
«Я грущу, хочу домой.
Мама! Мне тут делать нечего,
Я — не здешний, я — чужой...»

Мама слышит ли? Поведова
Вертопрах на всех порах
С прытью истинно неведомой
Задыхается в стихах:

«О, страна моя могучая!
Я хочу тебя обнять...
Ты — ударная, ты — лучшая!
Раз, два, три, четыре, пять...»

Стройкой стройною уроченью
Наши пышные сердца...
И так далее в прочее
Без надежды, без конца...

Говорарной анжорядкою
Услатив свой злосный шыл,
Вертопрах с улыбкой сладкою
Цел. Проще. Потом — ушам...

Набросал я здесь неласково
Ты достаточно затасканный,
Но кланусь я: в наши дни
Вертопрах нам не сродни!

Б. Бобович.

МОЛОДОЙ человек во фраке и кракмаальной рубашке вышел на арену магнитогорского цирка. Молодой человек со звучным псевдонимом Тоскавини и обиходной фамилией Сидоров засучил рукава фрака, выпил подряд 10 саканов воды и начал глотать лягушек, тритонов и ящериц.

Незамысловатый ужим молодой человек закончил тем, что выпил бутылку керосина, которую потом выпустил обратно и зажег.

Магнитогорский рабочий зритель с недоумением смотрел на упражнения молодого человека и удивлялся: «Кому это надо?»

Молодого человека пригласили в цирк Магнитогорска уральское УЗП. Магнитогорский же цирк после первого дебюта послал его немедленно обратно.

В одном из бараков Магнитогорска, вечером, демобилизованный красноармеец организовал симфонический концерт на стаканчиках. Номер пользовался колоссальным успехом. Все население барака наградило артиста-самоучку шумными аплодисментами и дружно подтягивало звону стаканочного оркестра.

Граммофон на стройке является предметом острой зависти.

По вечерам к владельцу граммофона набиваются хучи народа, жаждущие искусства, и если бы хозяйка этого искусства пожелала, допустим, брать по рублю с посетителя, — ему были

бы обеспечены без всяких трудов самая высшая персональная ставка и регулярный ежемесячный доход.

Виртуоз на старой шарманке сможет сделать на Магнитострое шалашинские сборы. Несколько баянистов, имеющих на стройке, рвут на части, и они расписаны на несколько месяцев вперед на гастролы.

В Магнитогорске ферменный голод по искусству, по культурным развлечениям, по музыке и эстраде.

Нельзя сказать в то же время, чтобы наши центральные организации, ведающие той или иной отраслью искусства, забыли о Магнитострое.

Наоборот. Почти еженедельно магнитогорцы читают, что намечается построение очередного «магнитостроя искусства», «магнитостроя театра», «магнитостроя литературы», «магнитостроя музыки».

Читают, вслух, с удовольствием, но, в то же время разводят руками и удивляются: «По чему же при такой любви к Магнитострою ни один из представителей этого искусства не хочет заглянуть на самый настоящий, подлинный Магнитострой?»

МХАТ, ГАБТ, ГИМН, ГИХЛ, Рабис и прочие органы, прикосновенные к искусству, до сих пор не могли перестроить ноги ни у одного артиста с таким расчетом, чтобы он приехал и продемонстрировал свое искусство не только в Москве, но и на Магнитострое.

Покровская школа 1-й ступени (Ермиковский район Западно-сибирский край) ввиду полного отсутствия учебников, картонной и перья более двух месяцев «вела на языке учителя»: обучение письму проводили путем «мимотопии писем».

М. Хартковский

УЧЕНИК: — Невозможно заниматься, товарищ учитель, с утра напишешь, а к полдню солнышко войдет, и все растает.

Великолепный ГОМЭЦ, в коридорах которого обиваются сотни и тысячи молодых людей, жаждущих очередной культуры — спокойно наблюдает за тем, как на Магнитострое глотают лягушек. Ни один крупный эстрадный артист из центра не заглянул еще на Магнитострой.

ВЦСПС предложил ЦК в срочном порядке прислать на Магнитострой руководителей художественных агитбригад, баянистов, артистов и музыкантов. Ряд ЦК союзов, получив разверстки ВЦСПС, устроил собрания по этому поводу, наметил кандидатуры, выделал героев художественного фронта, желающих за приличную оплату, поехать на Магнитострой сеять художественную культуру, сказал им напутственные речи, выдал путевки и забыл об этом деле всерьез и надолго.

Характерный пример — история с артистом Сысоевым, направленным на Магнитострой ЦК Рабис.

Сысоеву жали руки в Москве, наиболее горячие поклонники бросали в воздух чепчики, Сысоев сиял в художественной фотографии во весь рост с надписью: «Советское искусство», вероятно, напечатал о нем заметку, артист получил подешимые и путевку.

Оставался самый пустяк: сесть в прямой поезд Москва—Магнитогорск. Но в самый последний момент Сысоев раскаялся и засел сеять «эчное искусство» в массах ЦК транспортного машиностроения, устроившись там на постоянную работу.

Не менее показательный пример с цирковым артистом Виталеем Лазаренко, которого, после длительных настояний Магнитогорска, ГОМЭЦ решил направить на Магнитострой.

Цирк выпустил анонсы, билеты раскупили заранее, Лазаренко ждал с нетерпением, но по дороге уральское УЗП перехватило Лазаренко и заставило его играть в Челябинске.

В Магнитогорске почти невозможно достать аккомпаниатора на пианино.

Между тем московские студии заполнены юношами и девушками, изучающими все премудрости фортепианного искусства и, несомненно, принимающими горячее участие в теоретических заметках по созданию «магнитостроя музыки».

Между тем на Магнитострое **ни** одна организация артистов не посылает. Магнитострой не видал ни одного популярного московского или ленинградского артиста, ни одного известного эстрадника из центра, ни одного хорошего концерта или театрального ансамбля.

ГАБТ, МХАТ, ГИХЛ, ГИМН, ГОМЭЦ и прочие знатные иностранцы! Известно ли вам, что существует Магнитострой с двумястами тысяч отборных пролетариев, строящих социализм?

И если неизвестно, то почему?
Вен-Гали.

— Нам-то хорошо, а каково обывателям перестраивать свой быт к концу второй пятилетки...

КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ

В СЕМ ИЗВЕСТНО: чтобы сварить мыло, нужны жиры, сода и гарпиус. Диспозиция мыловаренного фронта в 1931 году была следующая: ВСНХ располагал содой, гарпиусом и мыловаренными заводами, а Наркомснаб — жирами и тоже заводами.

ВСНХ щедрой рукой отпускал соду и гарпиус... своим заводам, а остатки посылал наркомснабовским:

— Кушайте на здоровье!

Вы думаете, что Наркомснаб льком шит?

Наркомснаб щедрой рукой отпускал жиры... своим заводам, а остатки посылал ВСНХовским:

— Сами кушайте на здоровье!

Но здоровья не было: у одних был избыток витаминов А и В, у других — В. и в общем по-

лучилось дело, начинающееся со следующей буквы алфавита.

В 1932 году диспозиция такова: у тяжелой и легкой промышленности остались сода и гарпиус, а Наркомснаб остался тоже при своих заводах и с жирами.

Мы боимся, что у тяжелой промышленности будет легкое отношение к снабжению содой мыловаренной промышленности, и она окажется в тяжелом положении.

С другой стороны, — Наркомснабу не по чину иметь мыловаренные заводы.

Наркомснаб и сам это понимает и держит их на задворках.

Да и работа у Наркомснаба не клеится: план мыловарения выполнен на 60 процентов при использовании мощности предприятия лишь на 45 процентов.

И еще один недостаток: не выполняется основная задача Наркомснаба в мыловаренной промышленности — заготовка жиров.

Трудно считать достижением заготовку углей-жиров в размере сорока пяти сотых процента плана.

Прямо скажем: «Невозможно!»

Может быть, сосредоточить мыловаренную промышленность в одних руках?

Может, дадим мылу четкую физиономию?

Ал. Каиров.

К. Ротов

О БРЕВНЕ В СОБСТВЕННОМ ГЛАЗУ

Вожегодская районная газета «Борьба» (Сев. край) в № 16 печатает корреспонденцию о колхозе им. Сталина под многозначительным заголовком: «Без руля и без ветрил», в которой автор во все корки разделяет беспорядки, творящиеся в этом колхозе.

На той же полосе, на пару сантиметров ниже, печатается еще корреспонденция о том же колхозе, в которой газета призывает другие колхозы учиться у колхозников «им. Сталина».

Сдается нам, что и в самой газете не совсем благополучно с рулем.

РАЗГУЛ АРТИЛЛЕРИИ

Ковровская газета «Рабочий клич» (Ив. обл.) поместила очерк-воспоминание одного из участников боев за Казань.

Очерк блещет следующими образами и сравнениями:

«Противник отступал под разгулом нашей артиллерии».

«Неожиданный противник усилил пуск тяжелых плевков артиллерии, которые в историю похилились впереди наших голов».

«Наша артиллерия забормотала».

Очеркист что-то бормочет, а что делает в это время редактор — неизвестно.

ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ПРИГЛЯДЕТЬСЯ!

Газета «Коммуна» (Воронеж) дает следующее популярное объяснение роли шарикаподшипников:

«Роль подшипника велика, — он организует движение, изменяет его нужными зигзагами».

Приглядитесь к любому станку, и вы насчитаете десятки зубчатых подшипников.

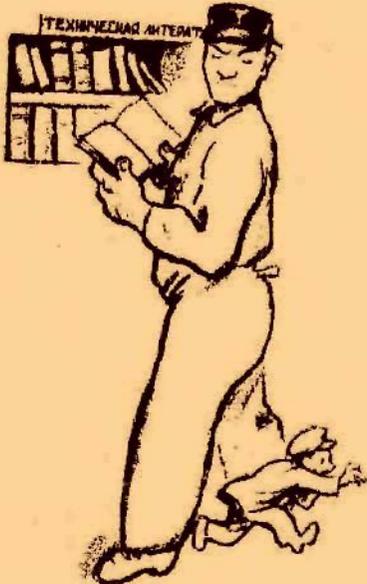
Вращаясь, шарики соприкасаются не как обычные зубчатые подшипники».

Мы пригляделись к станку — ни одного зубчатого подшипника, изменяющего движение нужными зигзагами.

Мы пригляделись к автору заметки В. Андросу и выяснили, что он — технически неграмотный человек, спутавший шестеренки с подшипниками.

Многие инженерно-технические работники на работах над повышением своей квалификации.

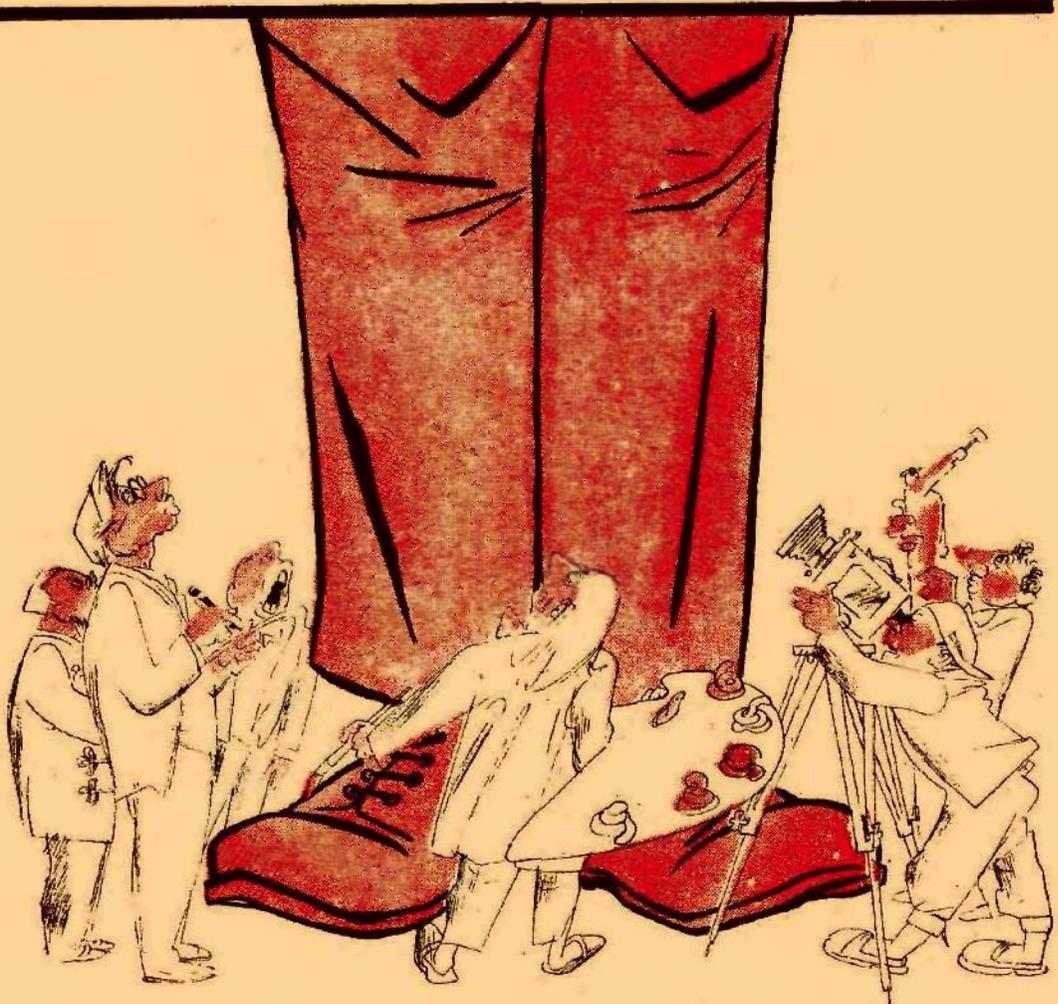
Ив. Малютин

— Эх, и сильную же тягу дают наши инженерно-технические работники.

— Где, в котельной?

— Нет, с занятый по технике.

— Чтобы отразить его во весь рост, видимо, нам самим надо подрасти...

ВЫШЕ В БОК

ЗАВ ОХОТИТСЯ

Зав. райфо Солоненко (Александровск, Дальневосточный край) план мобилизации средств за январь выполнил только на 35 проц.

Более успешной работе помешала охота на домашних коз.

В пылу охотничьего увлечения Солоненко в огороде соседа убил козу наповал.

Как говорится: «пусти козла в огород...»

ПОПАЛ ПАЛЬЦЕМ В НЕБО!

Налоговый инспектор Детскосельского горсовета посылает следующее отношение по такому адресу:

В финансовый отдел г. Кубани.

Препровождается дело по подоходному налогу гр. Рудеш, выбывшей в г. Одессу.

Географические познания налог. инспектора, мягко говоря, не на высоте: г. Кубани нет и не было, а есть река Кубань, которая когда-то впадала в Черное море.

Город Одесса расположен на Черном море, но в данной ситуации он Кубани двоюродный Севастополь.

АКАКИИ АКАКИЕВИЧИ

Плановая группа Центролесосекции разослала на места форму сведений об обслуживающих лесозаготовках.

В четвертой графе сведений спрашивается о количестве чиновников на лесозаготовках всех категорий.

Товарищи с мест сообщают, что у них чиновники всех категорий иногда бывают наездом из Центролесосекции.

ТЯП ДА ЛЯП

5 февраля с Курского вокзала отправилась пригородный поезд № 171 в составе 10 пассажирских вагонов. В 19 ч. 02 м. поезд прибыл на станцию Москва-1, где при самом поверхностном осмотре состава обнаружили неполадку: нехватало 8 вагонов.

Более внимательный осмотр показал также отсутствие элементарной трудовой дисциплины в поездной бригаде. Бригада действовала так:

Тяп да ляп — вот колесо! Сел и поехал, как хорошо... Оглянулся назад... Оглянулся назад, — ни дисциплины, ни вагонов.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

ЗИНОВЬЕВСК. ГЕЯБТМАНУ. Вы просите ваше стихотворение «Два мира» «вместить» в журнал. Пробовали — не вмещается. Даже один.

БОРИСЕНКО С. К. Борисенко пишет:

«Нешто с радости, наверно, С ожидания, может быть, Проводить так праздник скаерно Сколькo вбийства и сколькo драк!»

Поча видим лишь одно жестоко «вбийство»... русского языка.

Почшто злодействуете?

ЗИНОВЬЕВСК. СМЕХОВУ. У вас очень веселый псевдоним, в отличие от рассказов.

ЛЕНИНГРАД. Ф. Г. В присланном стихотворении вы говорите о своей смерти под трамваем.

Удивительно не то, что вы под трамвай попали, а то, что вы в мертвом виде стихи пишете.

ЯРОСЛАВЪ М. ПАВЛЮК. Вы пишете:

«Только что протянул ноги, расправил все члены, блаженно вздохнул и приготовился сладко заснуть звонок телефона».

Несомненная близорукость: вы звонок с кем-то спутали.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда». | АДР. РЕД.: Москва, Тверская, 3. Прием ежедн. с 1 до 3 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца. Подписная цена на журнал «КРОКОДИЛ» — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОВОЙ до вкляд, установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, А. Игнатович.

Зав. редакцией: Н. Абрамский.

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 284

Сдача текста и рисунков — 9/III

Подпись к печати — 16/III.

Статформат А4—210×297 Печатных листов 2. Колич. знаков 65.000

Уполномоч. Главлита № В—19172.

2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б) «Правда». Москва, Суздальск. вал. 49.

Звк. № 679

Тираж 500.000 экз

ДЕНЬГИ НЕ ПАХНУТ

— Срочно отправляйтесь в Тихий океан! А кому передать эти снаряды — японцам или китайцам, я вам сообщу по радио...